

ГОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

TRISTIA

PETRO
POLIS

1921

О. Мандельштамъ. Tristia. Petropolis, Петербургъ-Берлинъ, 1922.

Настоящее издание отпечатано въ количестве трехъ тысячъ экземпляровъ.
Изъ нихъ сто нумерованныхъ.

Обложка и марка работы М. В. Добужинскаго. Отпечатано въ типографіи
Зинабургъ и Ко. въ Берлине въ 1922 году для издательства "Петрополисъ".

Х Х Х

-- Какъ этихъ покрываль и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!

-- Будеть въ каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеютъ отъ стыда,
.....
.....
И для матери влюбленной
Солнце черное взойдетъ.

-- О, если бь ненависть въ груди моей кипела --
Но, видите, само признанье съ усть слетело.

-- Чернымъ пламенемъ Федра горить
Среди белаго дня.
Погребальный факель горить
Среди белаго дня.
Бойся матери, ты, Ипполить:
Федра -- ночь -- тебя сторожить
Среди белаго дня.

-- Любовью черною я солнце запятнала
Смерть охладить мой пылъ изъ чистаго фіала...

-- Мы боимся, мы не смеемъ
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеемъ
На него напала ночь.
Мы же, песнью похоронной

Провожая мертвыхъ въ домъ,
Страсти дикой и безсонной
Солнце черное уйдемъ.

1916

Зверинець.

1

Отверженное слово "миръ"
Въ начале оскорбленной эры;
Светильникъ въ глубине пещеры
И воздухъ горныхъ странъ -- эфиръ;
Эфиръ, которымъ не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлинымъ голосомъ, опять,
Поютъ косматыя свирели.

2

Пока ягнята и волы
На тучныхъ пастбищахъ водились
И дружелюбные садились
На плечи сонныхъ скалъ орлы,--
Германецъ выкормилъ орла,
И левъ британцу покорился,
И галльскій гребень появился
Изъ петушинаго хохла.

3

А ныне завладелъ дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля изсякла,
Неблагодарная, какъ встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду изъ нея.
Пускай уходитъ въ ночь глухую
Мной всполошенное зверье.

4

Петухъ, и левъ, темно-бурый
Орель, и ласковый медведь --
Мы для войны построимъ клетъ,
Зверинья пригреемъ шкуры.
А я пою вино времянь,
Источникъ речи италійской,
И, въ колыбели праарійской,
Славянскій и германскій лень.

5

Италія, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,
Съ кудахтаньем домашней птицы
Перелетевъ через плетень?
И ты, соседка, не взыщи:
Орель топорщится и злится.
Что, если для твоей пращи
Тяжелый камень не сгодится?

6

Въ зверинце заперевъ зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станеть полноводней Волга,
И рейнская струя светлей.
И умудренный человекъ
Почтить невольню чужестранца,
Какъ полубога, буйствомъ танца,
На берегахъ великихъ рекъ!

1916

Х Х Х

Въ разноголосице девического хора
Все церкви нежныя поють на голось свой,
И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
Мне брови чудятся, высокія, дугой.

И съ укрепленнаго архангелами вала
Я городъ озиралъ на чудной высоте.
Въ стенахъ Акрополя печаль меня снедала,

По русскомъ имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
Где реютъ голуби въ горячей синеве,
Что православные крюки поеть черница:
Успенье нежное -- Флоренція въ Москве.

И пятиглавые московскіе соборы
Съ ихъ итальянскою и русскою душой
Напоминаютъ мне -- явленіе Авроры,
Но съ русскимъ именемъ и въ шубке меховой.

1916

X X X

На розвальняхъ, уложенныхъ соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
Отъ Воробьевыхъ горъ до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А въ Угличе играютъ дети въ бабки,
И пахнетъ хлебъ, оставленный въ печи.
По улицамъ меня везутъ безъ шапки,
И теплятся въ часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи,
Одну изъ нихъ самъ Богъ благословилъ,
Четвертой не бывать,-- а Римъ далече,
И никогда онъ Рима не любилъ.

Ныряли сани въ черные ухабы,
И возвращался съ гульбища народъ.
Худые мужики и злыя бабы
Лутили семя у воротъ.

Сырая даль отъ птичьихъ стай чернела,
И связанные руки затекли.
Царевича везутъ -- немеетъ страшно тело,
И рыжую солому подожгли.

1916

Соломинка

I

Когда, соломинка, ты спишь въ огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтобъ, важень и высокъ,
Спокойной тяжестью -- что можетъ быть печальней --
На веки чуткія спустился потолокъ,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нетъ, соломинка скорей.

Въ часы бессонницы предметы тяжелее,
Какъ будто меньше ихъ -- такая тишина --
Мерцають въ зеркале подушки, чуть белея,
И въ кругломъ омуте кровать отражена.

Нетъ, не соломинка въ торжественномъ атласе,
Въ огромной комнате надъ черною Невой,
Двенадцать месяцевъ поють о смертномъ часе,
Струится въ воздухе ледь бледно-голубой.

Декабрь торжественный струить свое дыханье,
Какъ будто въ комнате тяжелая Нева.
Нетъ, не Соломинка, Лигейя, умиранье --
Я научился вамъ, блаженныя слова.

II

Я научился вамъ, блаженныя слова,
Леноръ, Соломинка, Лигейя, Серафита,
Въ огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится изъ гранита.

Декабрь торжественный сіяетъ надъ Невой.
Двенадцать месяцевъ поють о смертномъ часе.
Нетъ, не соломинка въ торжественномъ атласе
Вкушаетъ медленный, томительный покой.

Въ моей крови живетъ декабрьская Лигейя,
Чья въ саркофаге спитъ блаженная любовь,

А та, соломинка, быть может Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

Х Х Х

-- Я потеряла нежную камею,
Не знаю где, на берегу Невы.
Я римлянку прелестную жалею --
Чуть не в слезах мне говорили вы.

Но для чего, прекрасная грузинка,
Тревожить прах божественных гробниц?
Еще одна пушистая снежинка
Растаяла на веере ресниц.

И кроткую вы наклонили шею.
Камеи неть -- неть римлянки, увы.
Я Тинотину смуглую жалею --
Девичий Римь на берегу Невы.

1916

Х Х Х

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламинь.
Онъ, отторгнуть вражеской рукою,
Виденъ былъ изъ гавани Афинь.

А теперь друзья-островитяне
Снаряжаютъ наши корабли.
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.

О, Европа, новая Эллада,
Охраняй Акрополь и Пирей.
Намъ подарковъ съ острова не надо,
Целый лесъ незваныхъ кораблей.

1916

X X X

I

Мне холодно. Прозрачная весна
Въ зеленый пухъ Петрополь одеваешь
Но, какъ медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушаетъ.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летять стрекозы и жуки стальные,
Мерцають звездъ булавки золотыя,
Но никакія звезды не убьютъ
Морской воды тяжелый изумрудъ.

II

Въ Петрополе прозрачномъ мы умремъ,
Где властвуетъ надъ нами Прозерпина.
Мы въ каждомъ вздохе смертный воздухъ пьемъ,
И каждый часъ намъ смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучій каменный шоломъ.
Въ Петрополе прозрачномъ мы умремъ,
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

X X X

1

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
-- Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминаетъ те холмы
.....

.....
Где обрывается Россія
Надъ моремъ чернымъ и глухимъ.

2

Отъ монастырскихъ косогоровъ
Широкий убегаетъ лугъ.
Мне отъ владимирскихъ просторовъ
Такъ не хотелося на югъ,
Но въ этой темной, деревянной
И юродивой слободе
Съ такой монашкою туманной
Остаться -- значить быть беде.

3

Целую локоть загорелый
И лба кусочекъ восковой.
Я знаю -- онъ остался белый
Подъ смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где отъ браслета
Еще белеетъ полоса.
Тавриды пламенное лето
Творить такія чудеса.

4

Какъ скоро ты смуглянкой стала
И къ Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою въ Москве была.
Намъ остается только имя:
Чудесный звукъ, на долгій срокъ.
Прими жъ ладонями моими
Пересыпаемый песокъ.

1916

Х Х Х

Эта ночь непоправима,
А у васъ еще светло.

У воротъ Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее.
Баю, баюшки, баю,
Въ светломъ храме Іудеи
Хоронили мать мою.

Благодати не имея
И священства лишены,
Въ светломъ храме Іудеи
Отпевали прахъ жены.

И надъ матерью звенели
Голоса израильтянь.
-- Я проснулся въ колыбели,
Чернымъ солнцемъ осіянь.

1916

Декабристь

"Тому свидѣтельство языческій сенатъ --
Сіи дела не умирають."
Онъ раскурилъ чубукъ и запахнулъ халатъ,
А рядомъ въ шахматы играютъ.

Честолюбивый сонъ онъ променялъ на срубъ
Въ глухомъ урочище Сибири
И вычурный чубукъ у ядовитыхъ губъ,
Сказавшихъ правду въ скорбномъ міре.

Шумели въ первый разъ германскіе дубы,
Европа плакала въ тенетахъ,
Квадриги черныя вставали на дыбы
На тріумфальныхъ поворотахъ.

Бывало, голубой въ стаканахъ пуншъ горить,
Съ широкимъ шумомъ самовара
Подруга рейнская тихонько говоритъ,
Вольнолюбивая гитара.

Еще волнуются живые голоса

О сладкой вольности гражданства,
Но жертвы не хотят слепыя небеса,
Вернее трудъ и постоянство.

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

1917

Меганомъ

1

Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна,
Пока еще на самомъ деле
Шуршитъ песокъ, кипитъ волна.
Но здесь душа моя вступаетъ,
Какъ Персефона въ легкій кругъ,
И въ царстве мертвыхъ не бываетъ
Прелестныхъ загорелыхъ рукъ.

2

Зачемъ же лодке доверяемъ
Мы тяжесть урны гробовой
И праздникъ черныхъ розъ свершаемъ
Надъ аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мысь туманный Меганомъ,
И черный парусъ возвратится
Оттуда после похоронъ.

3

Какъ быстро тучи пробегаютъ
Неосвещенною грядой,
И хлопья черныхъ розъ летаютъ
Подъ этой ветреной луной,
И, птица смерти и рыданья,
Влачится траурной каймой

Огромный флагъ воспоминанья
За кипарисною кормой.

4

И раскрывается съ шуршаньемъ
Печальный вееръ прошлыхъ летъ
Туда, где съ темнымъ содроганьемъ
Въ песку зарылся амулетъ.
Туда душа моя стремится,
За мысь туманный Меганомъ,
И черный парусъ возвратится
Оттуда после похоронъ.

X X X

Когда на площадяхъ и въ тишине келейной
Мы сходимъ медленно съ ума,
Холодного и чистаго рейнвейна
Предложить намъ жестокая зима.

Въ серебряномъ ведре намъ предлагаетъ стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образъ севернаго мужа
Напоминаетъ намъ оно.

Но северные скальды грубы,
Не знаютъ радостей игры,
И севернымъ дружинамъ любы
Янтарь, пожары и пиры.

Имъ только снится воздухъ юга,
Чужого неба волшебство.
-- И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

X X X

Среди священниковъ левитомъ молодымъ
На страже утренней онъ долго оставался.
Ночь іудейская сгушалася надъ нимъ,
И храмъ разрушенный угрюмо созидался.

Онъ говорилъ: Небесъ тревожна желтизна,
Ужъ надъ Евфратомъ ночь, бегите, іереи.
А старцы думали: Не наша въ томъ вина.
Се черно-желтый светъ, се радость Іудеи.

Онъ съ нами былъ, когда на берегу ручья
Мы въ драгоценный лень субботу пеленали
И семисвещникомъ тяжелымъ освещали
Іерусалима ночь и чадъ небытія.

1917

X X X

1

Золотистаго меду струя изъ бутылки текла
Такъ тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, въ печальной Тавриде, куда насъ судьба занесла,
Мы совсемъ не скучаемъ, -- и черезъ плечо поглядела.

2

Всюду Бахуса службы, какъ будто на свете одни
Сторожа и собаки. Идешь -- никого не заметишь.
Какъ тяжелыя бочки, спокойные катятся дни.
Далеко въ шалаше голоса: не поймешь, не ответишь.

3

После чаю мы вышли въ огромный, коричневый садъ,
Какъ ресницы, на окнахъ опущены темные шторы,
Мимо белыхъ колоннъ мы пошли посмотреть виноградъ,
Где воздушнымъ стекломъ обливаются сонныя горы.

4

Я сказала: Виноградъ какъ старинная битва живетъ,

Где курчавые всадники бьются въ кудрявомъ порядке.
Въ каменной Тавриде наука Эллады -- и вотъ
Золотыхъ десятинь благородныя ржавыя грядки.

5

Ну, а въ комнате белой, какъ прялка, стоитъ тишина,
Пахнетъ уксусомъ, краской и свежимъ виномъ изъ подвала.
Помнишь, въ греческомъ доме любимая всеми жена,
Не Елена -- другая -- какъ долго она вышивала.

6

Золотое руно, где же ты, золотое руно --
Всю дорогу шумели морскія тяжелыя волны,
И, покинувъ корабль, натрудившій въ моряхъ полотно,
Одиссей возвратился, пространствомъ и временемъ полный.

1917

X X X

Въ тотъ вечеръ не гудель стрельчатый лесъ органа.
Намъ пела Шуберта родная колыбель,
Шумела мельница, и въ песняхъ урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной песни мѣрь коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиныхъ липъ рокошующія кроны
Съ звериной яростью качаетъ царь лесной.

И сила страшная ночного возвращенья,
Та песня дикая, какъ черное вино.
Это двойникъ -- пустое привиденье
Безмысленно глядитъ въ холодное окно.

1918

X X X

Твое чудесное произношенье,
Горячий посвистъ хищныхъ птицъ,
Скажу ль -- живое впечатленье
Какихъ-то шелковыхъ ресницъ.

"Что" -- Голова отяжелела...
"Во" -- Это я тебя зову.
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорятъ: любовь крылата.
Смерть окрыленное стократъ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы къ ней летятъ.

И столько воздуха, и шелка,
И ветра въ шепоте твоёмъ,
И, какъ слепые, ночью долгой
Мы смесь безсолнечную пьемъ.

1918

Tristia

1

Я изучилъ науку разставанья
Въ простоволосыхъ жалобахъ ночныхъ.
Жуютъ волы, и длится ожиданье,
Последній часъ веселій городскихъ,
И чту обрядъ той петушиной ночи,
Когда, поднявъ дорожной скорби грузъ,
Глядели въ даль заплаканныя очи,
И женскій плачь мешался съ пеньемъ музъ.

2

Кто можетъ знать при слове -- разставанье,
Какая намъ разлука предстоитъ,
Что намъ сулить петушье восклицанье,
Когда огонь въ Акрополе горить,
И на заре какой то новой жизни,

Когда въ сеняхъ лениво воля жуесть,
Зачемъ петухъ, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьеть?

3

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снуесть челнокъ, веретено жужжить.
Смотри, навстречу, словно пухъ лебяжій,
Уже босая Делія летить.
О, нашей жизни скудная основа,
Куда какъ бедень радости языкъ!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ.

4

Да будетъ такъ: прозрачная фигурка
На чистомъ блюде глиняномъ лежить,
Какъ беличья распластанная шкурка,
Склонясь надъ воскомъ, девушка глядитъ.
Не намъ гадать о греческомъ Эребе,
Для женщинъ воскъ, что для мужчины медь.
Намъ только въ битвахъ выпадаетъ жребій,
А имъ дано гадая умереть.

1918

Черепаша

1

На каменныхъ отрогахъ Піэриі
Водили музы первый хороводъ,
Чтобы, какъ пчелы, лирники слепые
Намъ подарили іонійскій медь.
И холодкомъ повеяло высокимъ
Отъ выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукамъ далекимъ
Архипелага нежные гроба.

2

Бежить весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожекъ,
И молоточками куютъ цикады,
Какъ въ песенке поется перстенекъ.
Высокій домъ построилъ плотникъ дюжій,
На свадьбу всехъ передушили куръ,
И растянулъ сапожникъ неуклюжій
На башмаки все пять воловьихъ шкуръ.

3

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва безпалая ползеть,
Лежить себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой животъ.
Ну, кто ее такую приласкаетъ,
Кто спящую ее перевернетъ?
Она во сне Терпандра ожидаетъ,
Сухихъ перстовъ предчувствуя налетъ.

4

Поить дубы холодная криница,
Простоволосая шумить трава,
На радость осамъ пахнетъ медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едятъ надломленнаго хлеба,
Где только медъ, вино и молоко,
Скрипучій трудъ не омрачаетъ неба,
И колесо вращается легко.

1919

Х Х Х

1

Идемъ туда, где разныя науки
И ремесло -- шашлыкъ и чебуреки,
Где вывеска, изображающая брюки,
Даетъ понятье намъ о человеке.
Мужской сюртукъ -- безъ головы стремленье,
Цирюльника летающая скрипка

И месмерическій уютъ -- явленье
Небесныхъ прачекъ -- тяжести улыбка...

2

Здесь девушки стареющія въ челкахъ
Обдумываютъ странные наряды,
И адмиралы въ твердыхъ треуголкахъ
Припоминаютъ сонъ Шехеразады.
Прозрачна даль. Немного винограда,
И неизменно дуетъ ветеръ свежий.
Недалеко отъ Смирны и Богдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

1919

X X X

1

Въ хрустальномъ омуте какая крутизна!
За насъ сіенскіе предстательствуютъ горы,
И сумасшедшихъ скалъ колючіе соборы
Повисли въ воздухе, где шерсть и тишина.

2

Съ висячей лестницы пророковъ и царей
Спускается органъ, святого духа крепость,
Овчарокъ бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастуховъ и посохи судей.

3

Вотъ неподвижная земля, и вместе съ ней
Я христіанства пью холодный горный воздухъ,
Крутое Верую и псалмопевца роздыхъ,
Ключи и рубища апостольскихъ церквей.

4

Какая линія могла бы передать
Хрусталь высокихъ нотъ въ эфире укрепленномъ,

И съ христіанскихъ горъ въ пространстве изумленномъ,
Какъ Палестины песнь, нисходитъ благодать.

1919

Х Х Х

Природа тотъ же Римъ, и отразилась въ немъ.
Мы видимъ образы его гражданской мощи
Въ прозрачномъ воздухе, какъ въ цирке голубомъ,
На форуме полей и въ колоннаде рощи.

Природа тотъ же Римъ, и кажется опять
Намъ незачемъ боговъ напрасно беспокоить,
Есть внутренности жертвъ, чтобъ о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить.

Х Х Х

Только детскія книги читать,
Только детскія думы лелеять,
Все большое далеко развезать,
Изъ глубокой печали возстать.

Я отъ жизни смертельно усталъ,
Ничего отъ нея не приѣмлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого что иной не видалъ.

Я качался въ далекомъ саду
На простой деревянной качели,
И высокія темныя ели
Вспоминаю въ туманномъ бреду.

Х Х Х

Вернись въ смесительное лоно,

Откуда, Лія, ты пришла,
За то, что солнцу Иллиона
Ты желтый сумракъ предпочла.

Иди, никто тебя не тронетъ,
На грудь отца, въ глухую ночь,
Пускай главу свою уронить
Кровосмесительница-дочь.

Но роковая перемена
Въ тебе исполниться должна.
Ты будешь Лія -- не Елена.
Не потому наречена,

Что царской крови тяжелее
Струиться въ жилахъ, чемъ другой --
Нетъ, ты полюбишь іудея,
Исчезнешь въ немъ -- и Богъ съ тобой.

X X X

О, этотъ воздухъ, смутой пьяный,
На черной площади Кремля
Качають шаткіи "миръ" смутьяны,
Тревожно пахнутъ тополя.

Соборовъ восковые лики,
Колоколовъ дремучій лесъ,
Какъ бы разбойникъ безъязыкій
Въ стропилахъ каменныхъ исчезъ.

А въ запечатанныхъ соборахъ,
Где и прохладно, и темно,
Какъ въ нежныхъ глиняныхъ амфорахъ,
Играетъ русское вино.

Успенскій, дивно округленный,
Весь удивленье райскихъ дугъ,
И Благовещенскій, зеленый,
И, мнится, заворкуетъ вдругъ.

Архангельскій и Воскресенья
Просвечивають, какъ ладонь --

Повсюду скрытое горенье,
Въ кувшинахъ спрятанный огонь...

Х Х Х

1

Въ Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили въ немъ,
И блаженное, бессмысленное слово
Въ первый разъ произнесемъ.
Въ черномъ бархате советской ночи,
Въ бархате всемірной пустоты,
Все поютъ блаженныхъ женъ родныя очи,
Все цветутъ бессмертные цветы.

2

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоитъ,
Только злой моторъ во мгле промчится
И кукушкой прокричить.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовыхъ я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я въ ночи советской помолюсь.

3

Слышу легкій театральный шорохъ
И девическое "ахъ" --
И бессмертныхъ розъ огромный ворохъ
У Киприды на рукахъ.
У костра мы греемся отъ скуки,
Можетъ быть века пройдутъ,
И блаженныхъ женъ родныя руки
Легкій пепель соберутъ.

4

Где то грядки красныя партера,
Пышно взбиты шифоньерки ложъ;
Заводная кукла офицера;

Не для черныхъ душъ и низменныхъ святошъ...
Что жъ, гаси, пожалуй, наши свечи
Въ черномъ бархате всемірной пустоты,
Все поютъ блаженныхъ женъ крутыя плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

25 ноября 1920 г.

Х Х Х

На перламутровый челнокъ
Натягивая шелка нити,
О, пальцы гибкіе, начните
Очаровательный урокъ.

Приливы и отливы рукъ,
Однообразныя движенья,
Ты заклинаешь, безъ сомненья,
Какой-то солнечный испугъ,

Когда широкая ладонь,
Какъ раковина, пламенея,
То гаснетъ, къ тенямъ тяготея,
То въ розовый уйдетъ огонь.

Х Х Х

Отъ легкой жизни мы сошли съ ума.
Съ утра вино, а съ вечера похмелье.
Какъ удержать напрасное веселье,
Румянецъ твой, о пьяная чума?

Въ пожатьи рукъ мучительный обрядъ,
На улицахъ ночные поцелуи,
Когда речныя тяжелеютъ струи,
И фонари, какъ факелы, горять.

Мы смерти ждемъ, какъ сказочнаго волка,
Но я боюсь, что раньше всехъ умреть
Тотъ, у кого тревожно-красный ротъ

И на глаза спадающая челка.

X X X

Что поют часы-кузнечикъ,
Лихорадка шелестить,
И шуршит сухая печка,--
Это красный шелкъ горить.

Что зубами мыши точать
Жизни тоненькое дно,
Это ласточка и дочке
Отвязала мой челнокъ.

Что на крыше дождь бормочетъ,--
Это черный шелкъ горить,
Но черемуха услышитъ
И на дне морскомъ простить.

Потому что смерть невинныхъ,
И ничемъ нельзя помочь,
Что въ горячке соловьиной
Сердце теплое еще.

X X X

Уничтожаетъ пламень
Сухую жизнь мою,
И ныне я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо;
Изъ одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянномъ рае,
Где вещи такъ легки.

Х Х Х

Мне Тифлисъ горбатый снится,
Сазандарій стонъ звенить,
На мосту народъ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумить.

Надъ Курою есть духаны,
Где вино и милый пловъ,
И духанщикъ тамъ румяный
Подаетъ гостямъ стаканы
И служить тебе готовъ.

Кахетинское густое
Хорошо въ подвале пить,
Тамъ въ прохладе, тамъ въ покое
Пейте вдоволь, пейте двое:
Одному не надо пить.

Въ самомъ маленькомъ духане
Ты товарища найдешь.
Если спросишь Теліани.
Поплыветъ Тифлисъ въ тумане,
Ты въ духане поплывешь.

Х Х Х

Американка въ двадцать летъ
Должна добратъся до Египта,
Забывъ Титаника советъ,
Что спитъ на дне мрачнѣе крипта.

Въ Америке гудки поють,
И красныхъ небоскребовъ трубы
Холоднымъ тучамъ отдаютъ
Свои прокопченныя губы.

И въ Лувре океана дочь

Стоить, прекрасная, какъ тополь,
Чтобъ мраморъ сахарный толочь,
Влезаетъ белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читаетъ Фауста въ вагоне
И сожалеетъ, отчего
Людовикъ больше не на троне.

Х Х Х

Сестры тяжесть и нежность,-- одинаковы ваши приметы,
Медуницы и осы тяжелую розу сосутъ,
Человекъ умираетъ, песокъ остываетъ согретый,
И вчерашнее солнце на черныхъ носилкахъ несутъ.

Ахъ, тяжелыя соты и нежныя сети,
Легче камень поднять, чемъ вымолвить слово -- любить,
У меня остается одна забота на свете,
Золотая забота, какъ времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившейся воздухъ,
Время вспахано плугомъ, и роза землю была,
Въ медленномъ водовороте тяжелыя нежныя розы,
Розы тяжесть и нежность въ двойные венки заплела.

1920

Х Х Х

1

Я наравне съ другими
Хочу тебе служить,
Отъ ревности сухими
Губами воровать.
Не утоляетъ слово
Мне пересохшихъ усть,
И безъ тебя мне снова
Дремучій воздухъ пусть.

2

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И самъ себя несу я,
Какъ жертву, палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь;
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

3

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу въ тебе.
И, словно преступленье,
Меня къ тебе влечетъ
Искусанный въ смятеньи,
Вишневый нежный ротъ.

4

Вернись ко мне скорее:
Мне страшно безъ тебя.
Я никогда сильнее
Не чувствовалъ тебя.
И въ полуночной драме,
Во сне иль наяву,
Въ тревоге иль въ истоме --
Но я тебя зову.

1920

X X X

1

Чуть мерцаетъ призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шелкомъ Мельпомена

Окна храмины своей.
Чернымъ таборомъ стоятъ кареты,
На дворе морозъ трещить,
Все космато: люди и предметы,
И горячій снегъ хруститъ.

2

Понемногу челядь разбираетъ
Шубъ медвежьихъ вороха,
Въ суматохе бабочка летаетъ,
Розу кутаютъ въ меха.
Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкій жаръ,
А на улице мигаютъ плошки,
И тяжелый валить паръ.

3

Кучера измаялись отъ крика,
И кромешна ночи тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у насъ студеная зима.
Слаше пеня итальянской речи
Для меня родной языкъ,
Ибо въ немъ таинственно лепечетъ
Чужеземныхъ арфъ родникъ.

4

Пахнетъ дымомъ бедная овчина,
Отъ сугроба улица черна.
Изъ блаженнаго, певучаго притона
Къ намъ летитъ безсмертная весна,
Чтобы вечно арія звучала
"Ты вернешься на зеленые луга" --
И живая ласточка упала
На горячіе снега.

Венецианская жизнь

1

Венецианской жизни мрачной и бесплодной
Для меня значение светло,
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.

2

Тонкий воздух, кожи синя прожилки,
Белый снег, зеленая парча,
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.

3

И горять, горять в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег,
На театре и на праздном вече
Умирает человек.

4

Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины Сатурново кольцо,
Черным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.

5

Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый. В спальне тают горы
Голубого, дряхлого стекла.

6

Только в пальцах роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости,
Что же ты молчишь, скажи, венежанка?
Как от этой смерти праздничной уйти?

7

Черный Вespеръ в зеркале мерцает,
Все проходит. Истина темна.
Человек рождается. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

X X X

Мне жалко, что теперь зима,
И комаровъ не слышно въ доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются въ синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове --
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитыхъ сливокъ вечень вкусъ
И запахъ апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобумъ,
Отъ этого ничуть не хуже,
Что делать: самый нежный умъ
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желтокъ
Взбивать разсерженною ложкой,
Онъ побелелъ, онъ изнемогъ --
И все-таки, еще немножко...

Въ тебе все дразнить, все поеть,
Какъ итальянская рулада.
И маленькій вишневый ротъ
Сухого просить винограда.

Такъ не старайся быть умней,
Въ тебе все прихоть, все минута.
И тень отъ шапочки твоей
Венеціанская баута.

Декабрь 1920

Х Х Х

Вот дароносица, какъ солнце золотое
Повисла въ воздухе -- великолепный мигъ.
Здесь долженъ прозвучать лишь греческій языкъ:
Взять въ руки целый миръ, какъ яблоко простое.

Богослуженія торжественный зенить,
Светъ въ круглой храмине подъ куполомъ въ июле,
Чтобъ полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежить.

И Евхаристія, какъ вечный полдень длится --
Все причащаются, играютъ и поютъ,
И на виду у всехъ божественный сосудъ
Неисчерпаемымъ веселиемъ струится.

Х Х Х

Когда Психея-жизнь спускается къ тенямъ
Въ полупрозрачный лесъ воследъ за Персефоной,
Слепая ласточка бросается къ ногамъ
Съ стигійской нежностью и веткою зеленой.

Навстречу беженке спешить толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньемъ,
И руки слабыя ломаютъ передъ ней
Съ недоуменіемъ и робкимъ упованьемъ.

Кто держитъ зеркальце, кто баночку духовъ;
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лесъ безлиственный прозрачныхъ голосовъ
Сухія жалобы кропятъ, какъ дождикъ мелкій.

И въ нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнаетъ прозрачныя дубравы,
Дохнетъ на зеркало и медлитъ передать
Лепешку медную съ туманной переправы.

Х Х Х

Возьми на радость изъ моихъ ладоней
Немного солнца и немного меда,
Какъ намъ велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услыхать въ меха обутой тени,
Не превозмочь въ дремучей жизни страха.

Намъ остаются только поцелуи,
Мохнатая, какъ маленькія пчелы,
Что умирають, вылетевъ изъ улья.

Они шуршатъ въ прозрачныхъ дебряхъ ночи,
Ихъ родина дремучій лесъ Тайгета,
Ихъ пища -- время, медуница, мята.

Возьми жъ на радость дикій мой подарокъ --
Невзрачное сухое ожерелье
Изъ мертвыхъ пчель, медъ превратившихъ въ солнце.

Сумерки свободы

1

Прославимъ, братья, сумерки свободы,
Великій сумеречный годъ.
Въ кипящія ночныя воды
Опущень грузный лесъ тенеть.
Восходишь ты въ глухіе годы,
О, солнце, судія-народъ.

2

Прославимъ роковое бремя,
Которое въ слезахъ народный вождь беретъ.
Прославимъ власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнетъ.
Въ комъ сердце есть, тотъ долженъ слышать, время,
Какъ твой корабль ко дну идетъ.

3

Мы въ легионы боевые
Связали ласточекъ, и вотъ
Не видно солнца, вся стихія
Щебечеть, движется, живетъ,
Сквозь сети сумерки густыя
Не видно солнца, и земля плыветъ.

4

Ну что жъ, попробуемъ: огромный, неуклюжий,
Скрипучій поворотъ руля.
Земля плыветъ. Мужайтесь, мужи,
Какъ плугомъ, океанъ деля,
Мы будемъ помнить и въ летейской стуже,
Что десяти небесъ намъ стоила земля.

X X X

1

На страшной высоте блуждающій огонь,
Но разве такъ звезда мерцаетъ?
Прозрачная звезда, блуждающій огонь,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

2

На страшной высоте земные сны горятъ,
Зеленая звезда летаетъ.
О, если ты звезда,-- воды и неба братъ,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

3

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляетъ.
Зеленая звезда, въ прекрасной нищете
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

4

Прозрачная весна надъ черною Невой

Сломалась. Воскъ безсмертья таетъ.
О, если ты звезда -- Петрополь, городъ твой,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

Ласточка

1

Я слово позабылъ, что я хотель сказать:
Слепая ласточка въ чертогъ теней вернется
На крыльяхъ срезанныхъ съ прозрачными играть.
Въ безпамятстве ночная песнь поется.

2

Не слышно птицъ. Безсмертникъ не цвететъ,
Прозрачны гривы табуна ночного,
Въ сухой реке пустой челнокъ плыветъ,
Среди кузнечиковъ безпамятствуетъ слово.

3

И медленно растеть какъ бы шатерь иль храмъ,
То вдругъ прикинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается къ ногамъ
Съ стигійской нежностью и веткою зеленой.

4

О, если бы вернуть и зрячихъ пальцевъ стыдъ.
И выпуклую радость узнаванья,
Я такъ боюсь рыданья Аонидъ,
Тумана, звона и зянья.

5

А смертнымъ власть дана любить и узнавать,
Для нихъ и звукъ въ персты прольется,
Но я забылъ, что я хочу сказать,
И мысль безплотная въ чертогъ теней вернется.

6

Все не о томъ прозрачная твердить,
Все ласточка, подружка, Антигона...
А на губахъ, какъ черный ледъ, горить
Стигійскаго воспоминанье звона.

1920

X X X

За то, что я руки твои не сумель удержать,
За то, что я предалъ соленыя нежныя губы,
Я долженъ разсвета въ дремучемъ акрополе ждать.
Какъ я ненавижу плакучіе древніе срубы.

Ахейскіе мужи во тьме снаряжаютъ коня,
Зубчатыми пилами въ стены вгрызаются крепко,
Никакъ не уляжется крови сухая возня,
И нетъ для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Какъ могъ я подумать, что ты возвратишься, какъ смель!
Зачемъ преждевременно я отъ тебя оторвался!
Еще не рассеялся мракъ, и петухъ не пропелъ,
Еще въ древесину горячій топоръ не врезался.

Прозрачной слезой на стенахъ проступила смола,
И чувствуетъ городъ свои деревянныя ребра,
Но хлынула къ лестницамъ кровь и на приступъ пошла,
И трижды приснился мужамъ соблазнительный образъ.

Где милая Троя, где царскій, где девичій домъ?
Онъ будетъ разрушенъ, высокій Пріамовъ скворешникъ.
И падаютъ стрелы сухимъ деревяннымъ дождемъ,
И стрелы другія растутъ на земле, какъ орешникъ.

Последней звезды безболезненно гаснетъ укольъ,
И серою ласточкой утро въ окно постучится,
И медленный день, какъ въ соломе проснувшійся воль
На стогнахъ шершавыхъ отъ долгаго сна шевелится.

Декабрь 1920

Х Х Х

Исакій подь фатой молочной белизны¹
Стоить седою голубятней,
И посохъ бередить седья тишины
И чинь воздушный сердцу внятнѣй.

Столетнихъ панихидь блуждающій призра'къ,
Широкій выносъ плащаницы,
И въ ветхомъ неводе генисаретскій мракъ
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дымъ на теплыхъ алтаряхъ
И іерея возгласъ сирый,
Смирненникъ царственный: снегъ чистый на плечахъ
И одичалыя порфиры.

Соборы вечные Софіи и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенскаго добра,
И риги новаго завета.

Не къ вамъ влечется духъ въ години тяжкихъ бедъ,
Сюда влачится по ступенямъ
Широкопасмурнымъ несчастья волчій следъ,
Ему вовеки не изменимъ.

Зане свободенъ рабъ, преодолевшій страхъ,
И сохранилось свѣше меры
Въ прохладныхъ житницахъ, въ глубокихъ закромахъ
Зерно глубокой, полной веры.

1921.

¹ Поздняя редакция: [«Люблю под сводами седья тишины»](#)